

ОЛЕГ РОЙ

*Маскарад
на семь персон*

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р65

Оформление серии *Ольги Фатиховой*

Редактор серии *Полина Корицкая*

Рой, Олег

Р65 Маскарад на семь персон : роман / Олег Рой. — Москва : Эксмо, 2026. — 288 с.

ISBN 978-5-04-248944-0

Семеро бывших однокурсников собрались за одним столом в день, когда в нашей стране отмечают парадоксальный праздник — старый Новый год. Семь человек, семь маскарадных звериных масок. Здесь есть хищники и жертвы, все как в жизни. За большинством масок скрываются лицемерие, алчность, предательство. Найдется ли под ними хоть один чистый и искренний человек?.. Матвей Громов уже не раз встречался с предательством, но он один догадывается, какой сюрприз ждет честную компанию в этот вечер. Встреча бывших однокурсников — все равно что бой без правил.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248944-0

© О. Рой, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

*Памяти моего сына Женечки
посвящается*

13 января 20... года

Фламинго вглядывался в мельтешение снежных хлопьев, и ему было грустно. Или скучно. Но уж точно — холодно. Ноги на ледяной мраморной плите совсем застыли. Вьющийся из-под крышки гигантской супницы пар тоже был совсем холодный. Вдобавок вонял мокрым железом и голубиным пометом, хотя пахнуть ему полагалось рыбой. Содержимого супницы, наверное, хватило бы на целую стаю фламинго. Ну то есть на целую стаю фламинго нормального размера. Но что толку быть втрое выше любого другого «такого же, как ты», если ты всегда один и «таких же» никогда не видел? Ты и себя-то не видел толком.

В зеркальном дверном стекле отражалась левая нога и кусочек правой. Голова и туловище не помещались в зеркале. Фламинго даже не мог посмотреть, сильно ли обгадили его плечи вездесущие голуби. Впрочем, если бы сильно, наверняка явились бы вооруженные щетками маленькие люди в синих комбинезонах — мыть. За этим следили. Синие люди со щетками вносили в неподвижную жизнь гигантского фламинго некоторое разнообразие, поэтому он даже на голубей не особенно сердился.

Олег РОЙ

Куда хуже голубей оказался снег, что безостановочно сыпался на его розовые перья, отчего они казались совсем тусклыми. Им полагалось светиться ярко — чтобы издали было видно. А сквозь мутную снежную пелену кто тебя разглядит? Светись не светись, что толку?

Да и самому фламинго — и это самое досадное — ничего сквозь кольшущуюся белесую завесу не было видно. Разве лишь то, что совсем рядом. Слякоть на холодном мраморе под ногами да несколько машин у обочины. Из одной доносилась музыка. Обычно фламинго ничего не имел против музыки — хоть какое-то развлечение. Но сейчас звучащая из железной коробки мелодия его почти раздражала (если бы он был способен испытывать что-то в этом роде). Мало вокруг снега, так еще и петь про него?!!

Снег идет густой-густой.
В ногу с ним, стопами теми,
В том же темпе, с ленью той
Или с той же быстротой,
Может быть, проходит время?
Может быть, за годом год
Следуют, как снег идет,
Или как слова в поэме?
Снег идет, снег идет¹...

* * *

— Громов!

Ольга прижала ко рту ладошку, с испугом осознав, что странная фигура — это действительно Громов. Она и сама не поня-

¹ Борис Пастернак.

Маскарад на семь персон

ла, что ее напугало: ничего страшного в «фигуре» не было. Выглядел бывший однокашник скорее уж смешно. Даже жалко. В промокших ботинках, слишком светлом для зимы костюме с изрядно заляпанными брючинами и в довершение всего — в белой рубашке. Господи, разве можно белую рубашку под светлый костюм надевать? Да и костюм — где он такую древность откопал? К тому же гвоздика какая-то дурацкая из нагрудного кармана висит... Боже мой!

— Мотя! — радостно завопил Игорь. — Явился все-таки! А мы уж и не ждали! Прямо как в картине Репина. Ты что, через всю Москву пешком топал? В такую-то погоду, — Маликов зябко повел плечами, которые ладно облегал отлично пошитый оливково-серый пиджак. — Или боялся, что, если на такси потратишься, на оплату счета не хватит? Так я забашляю, разве мне для старого друга жалко? И такси для тебя оплачу, разве можно так здоровьем рисковать? У тебя же самые умные мозги из всего курса были, их беречь надо. А ты вон чего? Разве можно? Промерз небось как цуцик. А я как знал, в обратном порядке заказал, ну то есть все наоборот попросил принести, — он махнул в сторону стоявшей возле сырной тарелки бутылки. — Метрдотель чуть в обморок не упал: как можно, коньяк — не аперитив, его после обеда употребляют. Но правила ведь и существуют, чтобы их нарушать, разве нет? Вот я и настоял, как предчувствовал, честное слово! Так что давай коньячку, сразу согреешься, — радушие изливалось из Игоря не то что потоком — водопадом, в его дружелюбном сочувствии можно было утонуть. В буквальном смысле. — Или тебе водочки привычнее? — не удержался он от шпильки, впрочем,

Олег РОЙ

тут же прикрытой еще более широкой улыбкой: мол, я это не в упрек, я по-доброму, по-дружески, о ближнем забочусь из всех сил. — А коньячок хороший, вполне французский, не то что разные всякие... так что давай-давай! Хотя попробуешь, что это такое. Да ты садись, что ты мнешься, как бедный родственник. Не стесняйся, все ж свои. Садись, сейчас горячее принесут...

Как бедный родственник, мысленно повторила Ольга. И она тоже — как бедная родственница. Сжалась в уголке дивана — чтоб поменьше стать, чтоб не глядели, не замечали...

8—13 января 20... года

— Элло-оу?

Это «эллоу» Алла когда-то отрабатывала сосредоточенно и целенаправленно — что-то среднее между собственным именем и «хэлло». Этакий намек на английскую отстраненность, слегка смягченный легким, с оттенком интимности, придыханием. В ее работе без доверительных отношений с клиентами — никуда. Но — в рамках, в рамках. Доверительные отношения одними интимными интонациями не выстроишь, в фундаменте должна быть солидность.

Телефон у нее тоже был... с подтекстом: тонкий, серебристый, как бы строгий, но определенно женский. Да, все правильно: она современная деловая женщина. Самодостаточная, уверенная в своем профессионализме и в то же время — явно и нескрываемо женщина.

Маскарад на семь персон

Не выпуская трубки, она слегка потянулась. Из клубов белой пены появилась нога. Алла пошевелила пальчиками, полюбовалась: гладкая, розовая после горячей воды, с аккуратными золотистыми ноготками. Хороша! Ну, по крайней мере, та часть, что видна, впрочем, и остальная в общем-то не хуже. Такая же элегантная, как и протяжное «эллоу». Как и вся Алла. По сути, элегантность ведь и есть соединение женственности и деловой строгости.

И все-таки Аллочка в первую очередь — деловая. Ну кто еще станет телефон в ванную таскать? Даже два телефона: и элегантный мобильник, и тяжеловатую на его фоне переносную трубку стационарного аппарата. Собственно, этот звонок поступил как раз на «городской» номер.

— Алла, это ты? — спросили в трубке.

— Это я, — согласилась она, улыбнувшись самым краешком губ. — Говорите, слушаю вас.

Вообще-то она, конечно, узнала голос — память на всякие такие штуки у нее была отменная — но вряд ли этот звонок окажется деловым, можно и в удовольствие поважничать. Хотя как знать, как знать. Заранее не угадаешь, из какого колодца повезет напиток. Главное — не зевать, везение, как подсказывал богатый опыт, невнимательных не любит. Тем паче что месяц-два после Нового года на рынке мертвая тишина, тут любой шанс нужно ловить.

— Ну ты даешь, Цызина! — в трубке хохотнули. — Нехорошо, нехорошо старых друзей забывать. Впрочем, ладно, типа богатым буду. Хотя вроде и без того грех жаловаться. Ну что, все еще никак? Э-эх, память девичья... Или так Новый год праздно-

Олег РОЙ

вала, что до сих пор отойти не можешь? Кстати, с прошедшим тебя. Игорь я, Маликов...

— Привет, Игорек, — мурлыкнула Алла. — И тебя с Новым годом, спасибо. Сколько лет, сколько зим... Извини, что сразу не узнала, все еще отдыхают, а у меня в голове сплошная работа вместо праздников, на части рвут, ужас! — про «сплошную работу» она, разумеется, соврала, но не докладывать же всем и каждому про «мертвый сезон». Американцы вон даже накануне банкротства стараются полное преуспевание демонстрировать, и Алла полагала, что это абсолютно правильная стратегия. Если ты всех убедишь, что у тебя все в порядке, оно и сложится. — Тебе небось тоже профессиональные услуги понадобились? Что у тебя? Продать, купить, дом, квартира, дача, офис? Как старому другу, так и быть, скидку сделаю.

— Да нет, расслабься, я тебе работы добавлять не стану, — в трубке фыркнули. — У меня как раз наоборот, предложение отвлечься от работы.

— Батюшки! — Алла старательно изобразила нежный серебристый смешок. — Только не говори, что надумал меня на свидание пригласить, все равно не поверю. Ты же не Карен, ты ж у нас мальчик порядочный, за каждой юбкой не бегаешь. Или... — она вставила посередине фразы хорошо продуманную паузу, — седина в голову, бес в ребро?

Игорь расхохотался:

— В некотором смысле, дорогая моя, в некотором смысле. Женщинам, конечно, о возрасте напоминать неприлично, но, подруга, сколько с диплома нашего прошло? Почти двадцать лет,

Маскарад на семь персон

без маленького хвостика. И чего бы нам — ну в смысле группе нашей, я не про весь курс, а только про нас, — чего бы нам не собраться? Посидели бы в ресторанчике хорошем, порадовались друг на друга. Такой вроде как новогодний карнавал. Ну или маскарад, я всегда путал, что из них что. Можно на старый Новый год собраться. Как тебе идея?

В ответную реплику Алла вложила изрядную долю скепсиса. Не то чтобы идея ей не понравилась, но сразу одобрять? Если Игорьку приспичило, пусть поуговаривает, а если нет, то тем более. Всегда нужно оставлять пространство для маневра в духе «не больно-то и хотелось».

— Блестящая мысль! Особенно с маскарадом, — отметила она со смешком. — Детский утренник под елочкой. Ты, случайно, массовиком-затейником не подрабатываешь?

— Не, ну я ничего столь глобального не представлял. Маскарад — это чисто мысль, чтоб расслабиться слегка. Все-таки сто лет уже не виделись. Кстати, потому тебе первой звоню. Ты ж у нас запасливая, у тебя все контакты всегда были. Обзвонишь народ?

Ну вот всегда так! Вообще-то предложение нравилось ей с каждой секундой все больше и больше, так что ж теперь, впрягаться в подготовку? Но, похоже, придется.

— Игорек, ты эксплуататор! — горячо взмолилась Алла. — Кто сказал, что работы мне добавлять не станет? Сто не сто, но в последний раз чуть не десять лет назад виделись. Думаешь, у меня тут телефонная книжка сама обновляется?

— Да ладно тебе! Уж будто... Ал, ну ей-богу... — заканючила трубка.

Олег РОЙ

— Ладно, ладно, не ной, — фыркнула Алла. — Маскарад — это действительно может быть весело. А то новый год наступил, а праздника как будто и вовсе не было. Ну или был черт знает как давно. Я за продолжение банкета! — Алла довольно точно воспроизвела интонацию Юрия Яковлева из бессмертной гайдаевской комедии. — Так что идею твою одобряю, и старый Новый год — подходящая дата. В общем, народ обзвоню. Всех не обещаю, но постараюсь. Кого успею найти.

Старайся, однако, не старайся, а как собирать народ, когда все, как сговорились, отказываются от городских номеров? Ну да, ну да, век сотовой связи, зачем дома стационарный телефон? Вот и выходит: звонишь одному, другому, третьему — и здравствуйте-пожалуйста, «номер не обслуживается». Это еще если не считать того, что чуть ли не десятеро из их группы исчезли с горизонта сразу после вручения дипломов. Ну те, кто не москвичи, разумеется. Некоторым «провинциалам» удалось в Белокаменной зацепиться, но многие и разлетелись, ищи их теперь. Да и с москвичами не лучше. Витьку-большого убили еще в конце девяностых, Илюша уж лет восемь, как на родину предков свалил, Маратик, которому Алла до сих пор чувствовала себя отчасти обязанной, где-то в Германии пособие по безработице проедает. То есть, может, и не пособие, но Алле приятнее было думать именно так.

Да и до кого удалось дозвониться, не особо горели жаждой встречи. Не все, по крайней мере. Юрик вон сперва никак не догонял, что за Алла и о какой такой группе речь, а после буркнул, что не может «по семейным обстоятельствам». Ага, знаем мы эти обстоятельства! Еле языком воро-

Маскарад на семь персон

чал, трубка, казалось, перегаром дышит. Ну надо же! А такой парень был, весельчак и душа компании — и на гитаре что хочешь мог сбацать, и анекдотами как из мешка сыпал. А какие смешные поздравлялки для всех девчонок к Восьмому марта сочинял...

Ну и ладно, таких на встрече, конечно, не нужно. Ресторан Игорек выбрал недешевый, так что и компания должна состояться соответствующая. Как там говорил классик марксизма-ленинизма? Лучше меньше, да лучше. Алла и не рассчитывала на многолюдье.

Девчонок и вовсе черта с два найдешь — вечная же история, была Иванова, стала Сидорова. Впрочем, «прекрасную» половину группы Алла и не особо старалась отыскивать. Без Кристины, ясно дело, не обойдется, так что поблистать в чисто мужской компании не выйдет, но чем меньше будет на встрече «девочек», тем лучше. Правда, Ольке Копыловой она все-таки отзвонилась — и неожиданно удачно. Юный голос на том конце провода сообщил, что мамы сейчас нет, но обещал все передать. Гм, хмыкнула Алла, кладя трубку. Оля что, фамилию не сменила? Мать-одиночка небось? Впрочем, чего еще от этой бедной, как церковная мышь, и такой же серой дурилки ожидать. Вот и ладненько, пусть будет серая мышка. Если, конечно, мышкино отродье не забудет передать приглашение. Потому что перезванивать Алла, разумеется, не станет, вот еще! Не получит Копылова приглашение — и ничего страшного, никого ее отсутствие не расстроит. А если и получит, может, еще и не захочет на него отзываться — чего хорошего чувствовать себя бедной родственницей на чужом празднике жизни? Ну а уж если

Олег РОЙ

и явится, тоже неплохо. Ну для нее, для Аллы. С Кристиной не посоперничаешь, она небось и теперь в красотках, невзирая на возраст и двоих детей. А вот на фоне Копыловой Алла будет выглядеть очень даже прилично.

В ресторан она приехала с расчетом чуть опоздать — так, чтобы все уже собрались. Все да не все, оказалось. Только Алла успела расцеловаться с Игорьком, Кареном, Матвеем — мальчики выглядели один другого лучше, — ну и с Кристиной, разумеется, только они поахали друг на друга: «Какие все молодцы!» — явилась и Копылова. Годы не прибавили ей ни морщин, ни килограммов, но в то же время...

Алла мысленно хмыкнула, окидывая бывшую одногруппницу — не подругой же ее считать, еще не хватало — оценивающим взглядом. М-да.

Серенький костюмчик а-ля Шанель, но гладкий, фу, и явно ношенный — должно быть, единственный приличный костюм в гардеробе одинокой мамы (Алла мысленно уже окончательно записала Копылову в матери-одиночки). Сапожки на среднем каблуке — кожаные, но самые простые и далеко не новые. Сама Алла, разумеется, была в туфлях, как и Кристина. А уж средний каблук уважающая себя женщина вообще носить не должна. Либо шпилька, либо уж плоская подошва. А средний... ни то ни се, никакого стиля. Ну да и бант, изображающий из себя воротник выглядывающей из-под серенького жакетика блузочки, — тоже не образец элегантности. Хоть бы брошку какую-нибудь приколола, ну или булавку галстучную, а то глаза не на чем остановиться. И волосы зачесаны так, что скучнее

Маскарад на семь персон

и представить невозможно. Прямо поселковая училка. Бледная моль, сераямышь.

Впрочем, лицо, хоть и почти без косметики, вполне ухоженное, не запущенное. И руки тоже в порядке. Может, Олька в парикмахерской работает? Маникюршей, к примеру. Хотя нынче парикмахерских-то и не осталось, все в салоны красоты переименовывались, да что толку, суть-то прежняя. Да, подумала Алла, наверное, Копылова теперь парикмахерша или что-нибудь вроде того. Потому что, как ни крути, за лицом и руками ухаживать не три копейки стоит. Что ж, на это деньги есть, а на приличный костюм — или хотя бы на блузку выходную — нету? Точно, маникюрша.

Конечно, Алла ни спрашивать, ни говорить ничего не станет. Она всегда предпочитала промолчать, скрыв от противника торжествующий блеск в глазах. Главное ведь — чувствовать себя победителем, а демонстрировать этот согревающий душу восторг проигравшему совершенно без надобности.

Алла позволила себе только одну, совсем мимолетную — но полную понимания — улыбку, брошенную в сторону снисходительно разглядывающей Копылову Кристины. Вот та своих чувств не скрывала: ни явного самодовольства, ни отдающей насмешкой жалости, ни несколько брезгливого любопытства: что это тут у нас? Ну прямо как кошка, оценивающая съедобность пойманной мыши. И взгляд, брошенный бывшей первой красавицей курса в сторону вальяжно развалившегося на диванчике Игоря, был тоже вполне кошачий. Правда, насмешками тут уже не пахло — скорее предвкушением.

За несколько дней до...

— А я, наоборот, люблю, когда зима! Мороз щиплет за щеки, все хрустит, обалдеть! — Нини подпрыгнула, дернула нависающую ветку, обрушив небольшую лавинку, еще раз подпрыгнула, отряхиваясь, расхохоталась — звонко, совсем по-детски.

Во время их совместных прогулок она каждый раз как будто превращалась в маленькую девочку — вертелась юлой, смеялась от любого пустяка, шурилась, забавно морща носик, повизгивала. Какой там предвыпускной класс — чистый детский сад!

Игорю это ужасно нравилось — он словно бы и сам, обрызганный этим безудержным детским весельем, возвращался туда, где был восторженным молодым отцом. Впрочем, восторженным отцом он так и остался.

Дочерей — целых двух, подумать только! — Игорь обо-жал. И ничуть не смущался, называя их «мои звездочки» или «мои жемчужинки», — хотя, казалось бы, в солидном мужчине такая сентиментальность смешна. Но Игорь не чувствовал себя смешным. Стоило сказать или хоть подумать «Лизанька и Аннинька», и где-то под горлом теплоело, щекотало — нежно, сладко, томительно. От «Лизаньки и Анниньки» веяло девятнадцатым веком, дворянской усадьбой, блеском паркета в двухсветной бальной зале, садовыми аллеями, в просветах которых стремительно мелькают белые девичьи платья, и прочим аристократическим бытом. Впрочем, «Лизаньку и Анниньку» он проговаривал только мысленно — в семье «дворянские» именования так и не прижились. Лизавета превратилась в Люку — то ли от малолетне-картавой «руки», то ли само вышло, он уж

Маскарад на семь персон

и не помнил. Сейчас старшая — студентка уже, страшно подумать, как время летит, того и гляди жениха приведет — делала вид, будто гордится тем, что ее зовут, как английскую королеву (даже двух королев, не хухры-мухры!), и экспериментировала с английскими вариантами вроде Бетси и Элси. От «Анниньки» осталось умильное «Нини»: маленькой она, отказываясь от чего-нибудь или запрещая что-нибудь воспитываемым куклам, говорила не «нет-нет», а «ни-ни-ни».

— Ты куда поступать-то собралась? — Игорь слепил рыхлый снежок, бросил в сторону дочки, не попал, сделал вид, что так и надо. — Определилась уже? Или вся в каникулярных восторгах?

— Да ну! — дочь скорчила гримасу и фыркнула. — Никуда не пойду. Сессии эти — ужас ужасный. Тут такая красота, а фигушки, давай в учебники втыкай. Люка жаловалась вчера — у них кто-то из преподав какой-то прям ужасающий зверь, всех валит, а она ж принципиальная. Если вдруг заваљу, говорит, что ж мне, на встречу не идти? А идти тоже как-то не фонтан будет...

— На какую встречу? — Игорь озадаченно покрутил головой.

— Да ну, пап! — возмущенно завопила она. — Одноклассников же! Ну то есть в школе будет общий, их где-то в феврале проводят, наша классуха нас уже подписала на украшение актового, типа преємственности и все такое. А Люка со своими договорились пораньше, после сессии, ну то есть те, кто в вузах, как раз сессию сдают, а кто нет, те просто от новогодних праздников оклемаются.

— То есть общешкольная встреча выпускников намечается в феврале, и ваш класс участвует в подготовке, — Игорь, как

Олег РОЙ

обычно, «перевел» скачущую скороговорку дочери на понятный язык, — а Люкины одноклассники, выходит, два раза хотят собираться?

— Ну типа того, — Нини опять подпрыгнула, обрушив очередной сугробик.

— Типа того, типа этого, — передразнил он. — Не понимаю логики. В смысле зачем такие сложности?

— Ну пап, ну как же! — Она аж руками затрясла. — Какие сложности, ты чего? Не, можно, конечно, просто повидаться, не проблема, но как бы официально договориться и встретиться — совсем другое дело.

— Все равно не понимаю, — хмыкнул он. — В школе же и будет такой официальный вечер...

— Фу-у-у... — Дочь сморщила носик. — В школе тягомотина. Ну то есть не то чтобы тягомотина, но как-то... — Она дернула плечом, словно завершая и поясняя этим жестом недоговоренную фразу. — А они соберутся в каком-нибудь тихом ресторанчике, нарядятся почуднее, приколы всякие приготовят, ну, розыгрыши. Ужасно весело будет! Все ж скучают, разве не понятно? Не в смысле им скучно, а друг по дружке. Вот ты ведь тоже скучаешь по своим одноклассникам? Или с кем в универе учился. Скучаешь, да?

От неожиданности Игорь несколько опешил, не зная толком, что отвечать:

— Во-первых, я учился в институте, это теперь, только тхни — сплошь университеты да академии...

— Ой, да знаю я! — Она нетерпеливо мотнула головой. — Я ж про другое! Не может же быть, чтобы ты не скучал по ста-

Маскарад на семь персон

рым друзьям. Скучаешь ведь?... Хотя... ты вроде бы и не встречаешься ни с кем... Или?

Он пожал плечами:

— Да у меня и так вся жизнь — сплошные встречи и разговоры, зачем еще какие-то туры на колесах разводить?

— Не, ну ты чего, правда не понимаешь? — Нини смешно округлила глаза, как бы придя в ужас от услышанного. — Это ж... ну... не... ну я не знаю даже... Даже представить не могу, как я без своих буду... Не, мы после выпускного точно не разбежимся. Да этого просто не может быть! Наш класс силой не разорвешь! Классная наша говорит, что таких, как мы, она и не видела, чтоб так накрепко. Не, я не знаю, может, в универе по-другому, но Люка твердит то же самое: если уж учились вместе, то это на всю жизнь!

Игорь усмехнулся:

— Жизнь вообще-то довольно длинная штука...

— Ты просто прикалываешься, да? Везде же написано, что юношеская дружба — это на всю жизнь. И я точно знаю, что мы всю жизнь дружить будем! Вот ты же со своими дружишь?.. Дружишь? — требовательно повторила Аннинька, остановившись посреди парковой дорожки.

Игорь залябливался. Румяная — то ли от мороза, то ли от возмущения, — глаза горят... Ах, хороша дочка!

— Ну... более-менее, — соврал он.

— Во-от! — удовлетворенно протянула дочь, повернувшись, чтобы продолжать прогулку, но не умолкая. — Нельзя же старых друзей забыть, этого просто быть не может. И ты не забываешь, просто я не знаю, да? Ну да, с чего ты будешь мне про это рассказывать. А интересно было бы поглядеть... Смешно, наверное...

Олег РОЙ

Дочь убежала вперед, подпрыгивая на каждом шаге, как разыгравшийся щенок, и бормоча себе под нос какую-то песенку, потом так же вприпрыжку вернулась, сунула ладошку в узорчатой перчатке под локоть его дубленки и зашагала рядом — уже чинно и без скаканья. И носик повыше задрала, и узким личиком серьезность изобразила. Получилась почти пародия: благородный отец выводит на прогулку повзрослевшую дочь.

Именно тогда в голову Игорю пришла идея, и через два дня он позвонил Алле. Что-то разбередила внутри эта смешная дочкина болтовня. А может, дело было в том, что только что отгремел Новый год, и блески отгоревшего праздника еще посверкивали сквозь серую пелену начавшихся будней. Как отзвук чего-то неслучившегося, чего ждешь каждый Новый год, а оно все не происходит и не происходит. А может, никто и не ждет, что вот прямо в полночь все волшебным образом переменится и начнется что-то новое, лучшее. Может, просто после долгих празднований никому не хочется впрягаться в привычные лямки — и тяжело, и нудно, и натирает тут и там, и хочется вернуть прекрасное время, когда никаких лямок вовсе не было!

И про маскарад он потому и брякнул, что вспомнил «нарядятся почуднее, ужасно весело будет». Потом, правда, идея карнавала как-то потускнела, потеряла привкус удалой бесшабашности. Ну какая, право, бесшабашность в их-то возрасте? Впрочем, в магазинчик «приколов» он все-таки заглянул, попросив милую девушку с торчащими косичками — ну чистая Пеппи Длинныйчулок! — подобрать несколько масок. Новогодний марафон всеобщих безумств закончился, и обилия покупателей в магазинчике